

**Психология повседневного и травматического стресса:
угрозы, последствия и совладание / Отв. ред. А.Л. Журавлев,
Е. А. Сергиенко, Н. В. Тарабрина, Н. Е. Харламенкова. – М.:
Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. – 496 с.**

СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ РАЗЛИЧИЯ В ПОНИМАНИИ МОСКВИЧАМИ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ УГРОЗЫ*

В. В. Знаков

Мы живем в таком мире, в котором психологические исследования критических изменяющих жизнь событий приобретают не только большое научное, но и практическое значение. Событие можно назвать критическим, если оно характеризуется следующими признаками (Перре, Лайрейтер, Бауманн, 2002): 1) оно всегда происходит в определенном месте и длится определенное время; 2) оно внезапно и коренным образом изменяет привычное течение жизни и потому требует от человека принятия решений о качественной реорганизации его бытия; 3) произошедшие изменения сопровождаются стойкими аффективными реакциями, а не только кратковременными эмоциями. Критические изменяющие жизнь события называются нормативными, если их можно предсказать (поступление в школу), и они почти всегда наступают у всех членов определенного культурного сообщества.

«Соответственно ненормативные критические изменяющие жизнь события отличаются внезапностью и непредсказуемостью, например, неожиданная смерть кого-то из близких» (Перре, Лайрейтер, Бауманн, 2002, с. 362).

Предметом моих психологических исследований в течение последних десяти лет было понимание людьми ненормативных критических событий человеческого бытия. Основной замысел состоял в том, чтобы осуществить анализ событий, имеющих отношение ко всему периоду онтогенеза человека – от рождения до смерти: понимание моральной допустимости аборт (Знаков, 2009), террористической угрозы (Знаков, Турок, 2010), эвтаназии (Знаков, 2005).

* Работа выполнена в соответствии с государственным заданием ФАНО РФ №0159-2016-0006.

Предмет этой статьи – оценка риска, понимание и переживание взрослыми людьми возможности стать жертвами теракта.

Психология терроризма – одна из наиболее научно и практически значимых областей современной психологической науки. Она включает в себя исследования психологии террористов, изучение посттравматических стрессовых расстройств у прямых и косвенных жертв терактов, анализ роли СМИ в формировании образа врага по отношению к членам террористических организаций, рассмотрение терроризма как способа общения (в виде психологического насилия), направленного на запугивание, т. е. актуализацию страха у населения и власти. Одна из важных сторон психологических исследований терроризма заключается в том, как понимают и переживают террористическую угрозу люди, которые потенциально могут стать жертвами терактов.

Понимание и переживание угрозы основано на субъективной оценке риска пострадать в результате взрыва или другого способа убийства людей. Психологический анализ специфики понимания и переживания угрозы теракта предполагает фокусирование внимания ученых на том, в каких смысловых единицах люди структурируют свою картину мира, изменяющуюся в результате терактов. Понимание как ценностно-смысловое структурирование мира не может анализироваться без обращения к специфике ментального (Холодная, 2002) и экзистенциального опыта (Знаков, 2009) понимающего субъекта. Поскольку понимание угрозы терактов рядовыми гражданами основывается не на достоверных знаниях (которыми могут располагать только сотрудники спецслужб, да и то в редких случаях), то можно предположить, что ментальный, умственный опыт субъекта задействован при этом в минимальной степени. Основную роль в понимании террористической угрозы играет экзистенциальный опыт, состоящий, по крайней мере, из трех компонентов – *тезаурусного*, *интенционального* и *этического*. Первый компонент образуют неявные знания, включающие мнения, убеждения, отношения; второй – интенциональные структуры, определяющие направленность и избирательность индивидуальной психической активности; в третий компонент входят такие представления о морально должном, которые принципиально не поддаются полному осознанию. Следовательно, названные компоненты опыта характеризуются недостаточной доказательностью, осознанностью и вербализованностью (Знаков, 2009). Именно такой опыт становится семантическим основанием, внутренним неосознаваемым условием понимания субъектом террористической угрозы. В частности, в ра-

боте Дж. Парк с соавт. показано, что у белых американцев только использование теста скрытых ассоциаций (и непосредственно после предъявления информации о терроризме) позволяет выявить неосознаваемые негативные установки по отношению к арабам-мусульманам. До этого, соблюдая политкорректность и социальную желательность, испытуемые не осознавали, что связывали с терактами именно мусульман (Park, Felix, Lee, 2007). Установки являются частью экзистенциального опыта субъекта, того ценностно-смыслового основания неявного знания о мире, на котором строится трудно описываемое словами иррациональное чувство, что ты можешь стать жертвой теракта.

Целью исследования было выявление сходства и различий в понимании и переживании террористической угрозы у двух групп москвичей: первую составили опрошенные до взрывов в метро 29 марта 2010 г., вторую – после.

Методика

Исследование проходило в два этапа: I – с сентября 2008 г. по март 2010 г.; II – в течение апреля 2010 г., после взрывов 29 марта на станциях метро «Лубянка» и «Парк культуры». Месячный период исследования после взрывов был обусловлен известными данными об убывании со временем посттравматических стрессовых реакций. Например, «распространенность ПТСР среди жителей 110-й улицы Манхэттена спустя 1 месяц после террористических событий 2001 г. составляла 7,5%, спустя 4 месяца – 1,7% и 0,6% спустя 6 месяцев» (Быховец, Тарабрина, 2010, с. 25).

На I этапе в исследовании приняли участие 212 жителей Москвы со средним и высшим образованием (101 женщина и 111 мужчин) в возрасте от 19 до 60 лет ($M = 30,9$ года, $SD = 9,98$; $Me = 26$ лет). Участниками II этапа стали 222 москвича (123 женщины и 99 мужчин) в возрасте от 17 до 75 лет ($M = 34,6$ года, $SD = 13,87$; $Me = 30,5$ года). Во второй группе (она получила название «После терактов»), как и в первой («До терактов»), были люди самых разных профессий, в том числе 51 сотрудник дорожно-постовой службы ГИБДД г. Москвы. В обеих группах различия между числом мужчин и женщин по критерию χ^2 статистически не значимы.

На каждом этапе исследования испытуемые анонимно заполняли пять опросников: шкалу базисных убеждений (ШБУ) (Падун, Тарабрина, 2004), опросник Спилбергера–Ханина на личностную тревожность (Бурлачук, Морозов, 2004), методику исследования ма-

киавеллизма личности (Знаков, 2001), опросник смысложизненных ориентаций (СЖО) (Леонтьев, 2000), опросник переживания террористической угрозы (ОПТУ) (Быховец, Тарабрина, 2010). Затем испытуемые по три раза продолжали каждое из трех незаконченных предложений: 1) «Террористический акт – это...»; 2) «Люди понимают террористическую угрозу...»; 3) «Теракты совершают люди...». Результаты подвергались качественной обработке и контент-анализу. В ходе контент-анализа подсчитывались характеристики разной эмоциональной направленности (нейтральные, позитивные, негативные), а также выделялись группы, по которым можно распределить высказываемые испытуемыми суждения («страх, боль, страдание», «спланированная акция», «насилие, направленное на запугивание», «религиозные фанатики, психически нездоровые люди»).

Итоговые результаты по методике ОПТУ анализировались как показатели *переживания* испытуемыми террористической угрозы. Совокупность продолженных предложений рассматривалась как выражение семантического пространства *понимания* обсуждаемой ситуации: что именно испытуемые понимают под угрозой террористического акта, как оценивают совершающих теракты людей, считают ли, что в современном мире теракты неизбежны, и часто ли задумаются над тем, как избежать участи жертвы. Во множестве ответов на пункты опросников и в продолжениях незаконченных предложений, в конечном счете, проявлялись семантические основания, внутренние и внешние условия понимания субъектом террористической угрозы.

Статистический анализ данных проводился с использованием непараметрических критериев Колмогорова–Смирнова, Манна–Уитни, биномиального критерия, χ^2 , а также корреляционного и регрессионного анализов.

Результаты исследования

Рассмотрим полученные в исследовании половые, возрастные, личностные различия в понимании и переживании террористической угрозы испытуемыми, принимавшими участие в двух исследованиях, – до и после терактов.

Сравнение групп «До терактов» и «После терактов»

У 212 чел. из первой группы значимо *выше*, чем у 222 испытуемых из второй, оценки по показателю справедливости методики ШБУ (убеждению субъекта в том, что хорошие и плохие события распре-

деляются между людьми по принципу справедливости: каждый человек получает то, что заслуживает): $M = 19,1$ и $M = 17,7$; $p < 0,005$. Также *выше* у них оценки по показателю самооценности (представление о себе как порядочном, соблюдающем требования морали человеку, достойном любви и уважения): $M = 16,8$ и $M = 16,1$; $p < 0,001$. Кроме того, в первой группе *выше* средние оценки макиавеллизма (убеждения субъекта в том, что в любой ситуации он успешно, т. е. с пользой для себя, способен манипулировать окружающими): $M = 72,2$ и $M = 68,8$; $p < 0,005$. Например, молодой мужчина с высоким уровнем макиавеллизма характеризует теракты как «самоутверждение за счет других». У тех москвичей, которые участвовали в исследовании после взрывов в метро, *выше* общий индекс по ОПТУ: $M = 53,6$ и $M = 47,8$; $p < 0,001$. Некоторые из них говорят, что испытывают «постоянное внутреннее напряжение и беспокойство за жизнь детей и близких», «страх выходить из дома».

Во время анализа меня, естественно, очень интересовали ответы испытуемых, семантически связанные с пониманием. К ним, в частности, относятся ответы на вопросы шкалы «Антиципация» ОПТУ. Входящие в эту шкалу утверждения позволяют оценить уровень предвосхищения субъектом новых терактов: насколько вероятным он считает их повторение и прогнозирует возможность их осуществления. Антиципация в значительной степени связана с когнитивной оценкой, осознанием и пониманием угрозы риска стать жертвой теракта. Она проявляется в согласии испытуемых, например, с такими утверждениями: «В общественных местах я стараюсь обращать внимание на подозрительных лиц, похожих на террористов»; «У меня возникает беспокойство, когда я вижу в общественных местах бесхозные вещи»; «У меня возникают мысли о том, что теракты будут повторяться». Очевидно, что такие ответы испытуемых основаны на общих знаниях о терроризме и понимании конкретных социальных ситуаций, в которых можно оказаться. Результаты показали, что во второй группе оценки антиципации возросли ($M = 17,9$ и $M = 19,6$; $p < 0,001$). Актуализация мыслей о возможной опасности, более частое осмысление подобных ситуаций дает основание надеяться на постепенное улучшение понимания москвичами признаков, свидетельствующих о возможной террористической угрозе.

Следовательно, в группе «После терактов» снизились оценки справедливости окружающего социального мира, самооценности, макиавеллизма, но возрос индекс ОПТУ, включающий когнитивное понимание, антиципацию и репрезентацию осознаваемого уровня реальности угрозы.

Задачей терроризма как политического, социального, психологического и т. п. явления в современном мире является внушение людям страха, увеличение их субъективной оценки риска стать жертвой теракта. Основная цель террористов – изменить мнение людей, узнающих об обстоятельствах и последствиях терактов, что они сами контролируют свою жизнь и способны справляться с возникающими трудностями. На первый взгляд, взрывами в московском метро указанная цель была достигнута: об этом свидетельствуют приведенные выше цифры. Сегодня благодаря многочисленным научным исследованиям мы знаем, что появление страха и чувства потери контроля – обычные реакции людей после терактов. В частности, после 11 сентября 2001 г. около половины опрошенных американцев указали на появившееся у них беспокойство по поводу безопасности – своей и близких. Однозначный вывод о достижении террористами своих целей был бы слишком обобщенным и поверхностным: необходимо выяснить, у каких социально-демографических групп после терактов произошли наиболее выраженные изменения, а у каких они минимальны или, может быть, остались на прежнем уровне.

Сравнительные результаты мужчин в группах «До терактов» и «После терактов». Средний возраст 111 испытуемых первой группы (32,7 года) значительно не отличается от возраста 99 испытуемых из второй (33,9 года). Между данными двух групп выявлены только два значимых различия. 1. Во второй группе *понижились* оценки макиавеллизма: $M = 74,8$ и $M = 70,4$; $p < 0,05$. Мужчины с высоким уровнем макиавеллизма из группы «До терактов» явно соотносят себя, свои психологические особенности с террористами и характеризуют их пренебрежительно: «Они слабые и неуверенные в себе, более того, в своей правоте». Испытуемые из второй группы описывают террористов иначе: «Это специально обученные люди, ясно понимающие, чего они хотят, и получающие за это финансирование». Понижение уровня макиавеллизма личности означает уменьшение убеждения мужчин в том, что в любых сложных обстоятельствах они смогут эффективно использовать манипулятивные навыки воздействия на окружающих, контролировать коммуникативную ситуацию и в конечном счете получить моральную или материальную выгоду. 2. Во второй группе *повысился* общий индекс переживания террористической угрозы: $M = 45,8$ и $M = 49,1$; $p < 0,05$. Этот факт труднее поддается объяснению статистическими методами, потому что в регрессионном уравнении в качестве значимых предикторов ОПТУ макиавеллизма вообще не оказалось (с небольшо-

ми отрицательными коэффициентами в него вошли самооценność и общий индекс смысложизненных ориентаций).

Данные женщин в группах «До терактов» и «После терактов». Средний возраст 101 женщины из первой группы немного ниже, чем у 123 из второй: $M = 28,9$ года и $M = 35,1$ года; $p < 0,01$. Индекс ОПТУ во второй группе после теракта значительно выше: $M = 50,0$ и $M = 57,3$; $p < 0,01$. Результаты регрессионного анализа во всех трех женских выборках (общей, «до» и «после») оказались одновременно и однозначней, и парадоксальней, чем в мужских. Во всех выборках единственным значимым предиктором ОПТУ является только личностная тревожность: $\beta = 0,38$; $p < 0,001$. Парадокс же заключается в том, что указанный предиктор в первой группе гораздо слабее коррелирует с ОПТУ ($r = 0,27$; $p < 0,05$), чем с самооценностью ($r = -0,50$; $p < 0,05$) и общим показателем СЖО ($r = -0,59$; $p < 0,05$). Пятидесятилетняя женщина из группы «До теракта» с высоким уровнем тревожности и низким показателем самооценности считает, что теракты совершают «люди, психически больные, невменяемые, религиозные фанатики», – и это распространенное мнение.

После взрывов статистический уровень связи тревожности с ОПТУ возрастает ($r = 0,41$; $p < 0,05$), коэффициент корреляции показателя переживания угрозы с самооценностью сильно понижается ($r = -0,17$; $p < 0,05$), так же как и с СЖО ($r = -0,26$; $p < 0,05$). Кроме названных личностных характеристик, во второй группе ниже показатели справедливости ($M = 19,2$ и $M = 17,4$; $p < 0,005$) и способности контролировать ситуацию (она отражает убеждение человека в том, что он может контролировать происходящие с ним события и поступать так, чтобы ситуация складывалась в его пользу): $M = 16,9$ и $M = 16,0$; $p < 0,02$. Женщины с низкими оценками по шкалам ШБУ, отражающим способности контролировать ситуацию и справляться с внезапно возникающими трудностями, склонны рассматривать теракты как «неотвратимость», «неконтролируемую угрозу» и «как высшую степень своей беспомощности». Психологической противоположностью названных черт личности является более высокая самооценка удачи (убеждения в том, что даже если субъект полагает, что события, происходящие в мире, не подвластны контролю и распределяются между людьми случайно, то он может считать себя просто везучим человеком и таким образом поддерживать чувство собственной неуязвимости): $M = 16,0$ и $M = 14,6$; $p < 0,05$.

Следовательно, женщины из второй группы, у которых повысилась тревожность и понизилось чувство самооценности, в большей

степени стали надеяться на удачное стечение обстоятельств, которые сами они изменить не могут.

Теперь для формирования более ясного представления о психологических особенностях понимания и переживания москвичами угрозы стать жертвами терактов рассмотрим социально-демографические и личностные характеристики людей, обследованных после взрывов в метро.

Результаты, полученные по группе «После терактов»

Половые различия. По общему показателю ОПТУ результаты 123 женщин значимо *выше* результатов 99 мужчин: $M = 57,7$ и $M = 49,1$; $p < 0,001$. Люди из этой группы уже ясно понимают, что «это может произойти в любое время, в любом месте, никто от этого не застрахован, но многие недостаточно серьезно относятся к этому». Мужчины пытаются найти какие-то рациональные основания терроризма: «Такие взрывы совершают люди, которые были унижены государством или обществом»; «Ответы вахабитов на наши действия». Понимание причин терактов женщинами в большей степени основано на рефлексии, идентификации и даже некоторой эмпатии: «Расплата за наши грехи»; «Теракты совершают шахидки, которые пытаются отомстить за смерть своих близких».

Личностная тревожность у женщин также *выше*, чем у мужчин: $M = 45,2$ и $M = 39,3$; $p < 0,001$. Вместе с тем по ШБУ у женщин *ниже*, чем у мужчин, контролируемость (убеждение в том, что люди могут контролировать происходящее с ними и способны предотвращать нежелательные последствия событий): $M = 11,0$ и $M = 12,1$; $p < 0,001$, а также способность контролировать ситуацию (убеждение в том, что можно не только осознавать происходящее с тобой, но и поступать так, чтобы ситуация складывалась в твою пользу): $M = 16,0$ и $M = 17,3$; $p < 0,001$. Женщины с низкими оценками по ШБУ (доброжелательности, справедливости, контролируемости, самооценности и т. п.) прямо говорят о том, что понимают террористическую угрозу «как высшую степень своей беспомощности».

Возрастные различия. Сравнение 107 молодых испытуемых, возраст которых ниже медианы ($M = 22,9$ года), и 115 тех, средний возраст которых составляет $M = 54,4$ года, обнаружило, что у первых *ниже* показатель ОПТУ ($M = 51,9$ и $M = 55,2$; $p < 0,01$). У молодежи понимание угрозы теракта чаще основано не на ментальном опыте, знаниях о мировом терроризме, а на эмоционально окрашенных иррациональных стереотипах непостижимого и страшного «чужого». Террористы «беспринципные, с неуравновешенной психикой, под-

верженные чужому влиянию», «фанатики, террористы, наркоманы». Девушки особенно часто подчеркивают, что шахидками-смертницами становятся те, кто не может противостоять чужой воле: «Шахидками становятся женщины, которым внушили, что они делают хорошее дело», «Утратившие смысл жизни, их тяжело назвать людьми и ими легко управлять». Экзистенциальный опыт взрослых людей, даже очень тревожных и боящихся терактов, все-таки способствует формированию у них более реального, соответствующего и реалиям современной жизни, и результатам научных исследований понимания мотивов поведения и мировоззрения организаторов и исполнителей терактов. Типичными являются высказывания 55-летней женщины с очень высокой личностной тревожностью ($M = 69$) и максимальным показателем ОПТУ ($M = 83$): «Терроризм – это результат гражданской войны на Кавказе, повод быть бдительным и осторожным; и еще – необходимость объединяться».

У молодых также ниже оценки показателя закономерности по методике ШБУ, т. е. убеждения в минимальной роли случайностей в жизни человека; это убеждение включено в принцип распределения хороших и плохих событий в терминах случайности/закономерности; согласно ему, с человеком ничего не происходит случайно, всегда существует определенная закономерность и особый смысл происходящих событий ($M = 12,9$ и $M = 14,0$; $p < 0,01$), ниже личностная тревожность ($M = 40,8$ и $M = 44,1$; $p < 0,005$), однако выше макиавеллизм ($M = 70,6$ и $M = 67,2$; $p < 0,05$) и самооценность ($M = 16,6$ и $M = 15,6$; $p < 0,001$). Вполне вероятно, что неверие молодых людей в закономерный характер условий их жизни компенсируется убеждением, что чувство собственной человеческой значимости и успешности, а также развитые манипулятивные навыки помогут эффективно преодолевать неопределенность множества социальных ситуаций.

Итак, и у мужчин, и у женщин после взрывов возросли индексы переживания террористической угрозы, причем у взрослых в большей степени, чем у юных. В таком случае, может быть, возраст является фактором, вносящим наибольший вклад в формирование понимания и переживания террористической угрозы? Статистический анализ распределения возраста 222 испытуемых позволил выделить четыре квантили; сравним данные 67 женщин ($M = 46,5$ года), 56 девушек ($M = 21,5$ года), 58 мужчин ($M = 41,4$ года) и 41 юношей ($M = 23,2$ года). Величины индексов переживания террористической угрозы в этих демографических группах убывают именно в такой последовательности: $M = 58,1$; $M = 56,2$; $M = 50,8$; $M = 46,6$. Ина-

че говоря, больше всего опасаются стать жертвой теракта женщины, а меньше – юноши. При этом необходимо отметить, что, возможно, из-за небольших выборок различия между данными женщин и девушек, а также мужчин и юношей статистически не значимы (однако в женской выборке в целом средний показатель ОПТУ выше, чем в мужской).

У девушек *ниже*, чем у женщин, тревожность ($M = 43,2$ и $M = 46,8$; $p < 0,001$), а также показатель закономерности по ШБУ ($M = 12,1$ и $M = 13,6$; $p < 0,02$), однако *выше* оценки контролируемости ($M = 11,9$ и $M = 10,2$; $p < 0,02$), локуса контроля – жизнь (управляемость жизнью) по СЖО ($M = 32,9$ и $M = 30,0$; $p < 0,03$) и макиавеллизма ($M = 69,6$ и $M = 65,8$; $p < 0,03$). Приведенные результаты исследования свидетельствуют о том, что девушки лучше справились с психологическими последствиями терактов, чем женщины. У юношей *ниже*, чем у мужчин, личностная тревожность ($M = 38,1$ и $M = 40,1$; $p < 0,05$), но *выше* макиавеллизм ($M = 73,8$ и $M = 68,0$; $p < 0,02$). Учитывая еще и различия в индексах ОПТУ, можно сделать аналогичный вывод: юноши лучше справились с психологическими последствиями терактов, чем мужчины.

Степень личной причастности к взрывам в метро. Во время исследования испытуемых просили указать степень своей причастности, близости к столкновению с угрозой террористического акта. Они должны были выбрать один из вариантов ответа: «Ни я, ни мои близкие или знакомые не были свидетелями терактов»; «Я был(а) свидетелем»; «Был кто-то из близких»; «Был кто-то из знакомых». В первую категорию попали 167 москвичей, во вторую – 4, в третью – 8, в четвертую – 43. Сравнительный анализ 167 и 55 испытуемых, значимо не различающихся по полу и возрасту, показал, что у первых индекс ОПТУ *ниже*, чем у вторых ($M = 52,8$ и $M = 56,1$; $p < 0,03$). Иначе говоря, опасность стать жертвой теракта сильнее переживают не те, кто узнал о взрывах в метро из СМИ или других источников, а те, кто непосредственно соприкоснулся с трагедией.

Обсуждение результатов

Проведенное исследование выявило целый ряд проблем, имеющих отношение не только к психологии, но и к профилактике терроризма. Пожалуй, главные из них – незнание москвичами существенных характеристик терроризма как глобальной мировой проблемы и искаженное понимание мировоззрения и мотивов поведения организаторов и исполнителей терактов. Научные исследования свидетельствуют

о том, что у исполнителей терактов нет высокого уровня психопатологии (Moghaddam, 2005), они психически нормальны (Crenshaw, 2000), религиозны, вежливы, серьезны, спокойны, целеустремленны, отчужденны и немногословны (Grimland, Apter, Kerkhof, 2006). Ясно, что такой психологический портрет весьма отличается от стереотипа импульсивного жестокого террориста. Тем не менее москвичи, особенно из первой группы, допускают фундаментальную ошибку каузальной атрибуции: недооценивают роль ситуационных факторов и переоценивают роль личностных. Подавляющее большинство испытуемых склонны искать единственные причины взрывов в психологическом облике и целенаправленных действиях организаторов и исполнителей взрывов в метро.

В основе понимания террориста лежит образ врага – *чужого*, который скорее внушает страх и актуализирует мысли о собственной смертности, чем побуждает к рациональному осмыслению проблем, связанных с террором. Результаты психологических исследований, проведенных под руководством В. А. Лабунской, свидетельствуют о том, что в сознании участников общения враг имеет негативный внешний облик, лишен моральных принципов и положительных нравственных качеств. В представлениях о враге центральное место занимают эгоистичность, агрессивность и подозрительность. «Чем интенсивнее выражен комплекс отношений (враждебности, доминирования, агрессивности, подозрительности, эгоистичности), тем выше уровень маскулинизации врага и тем ниже оценка характеристик его внешнего облика» (Тулинова, 2005).

Очевидно, что отсутствие у москвичей достоверных знаний о социокультурной среде, порождающей террористов, препятствует построению правдоподобных когнитивных схем, которые могут стать основой понимания ситуаций террористической угрозы. Например, «слово «шухада» (акт суицидального террора) имеет обязывающее значение для большинства палестинских детей и для всей исламской общины, причем оно отнюдь не означает безвременного ухода из жизни. Посредством такого действия ребенок может стать активным участником «интифады»» (Природа этнорелигиозного терроризма, 2008, с. 45). В апреле 2001 г. сотрудники Исламского университета провели социологический опрос, в котором учитывались мнения тысячи подростков в возрасте от 9 до 16 лет, проживающих в секторе Газа. «Среди опрошенных 49% уже принимали активное участие в «интифаде» и 73% заявили о своем желании стать «шахидами» (мучениками). Подобные статистические выкладки наглядно свидетельствуют о том, что в настроениях детей и подростков

на палестинских территориях преобладают экстремистские тенденции и такие дети представляют собой идеальную вербовочную базу для организаторов антиизраильской террористической кампании» (там же).

Иначе, чем москвичи, понимают природу терроризма также и жители тех регионов нашей страны, в которых нередко происходят теракты. В опросе об отношении к терроризму, проведенном среди студентов Дагестанского госуниверситета, почти каждый пятый из опрошенных давал положительные оценки терроризму: «Это способ защиты своей земли и своего народа», «Мсть за родных и близких», «Борьба за свободу, свою веру». Разные варианты позитивных ответов составили 32% у юношей и 15% у девушек (Собкин, Ениколопов, Кропачев, 2004, с. 119). Очевидно, что в ментальном и экзистенциальном опыте жителей тех регионов, для которых угроза терактов – печальная правда повседневной жизни, содержится больше знаний о политических, религиозных и экономических основаниях терактов. Такие знания приводят к иному, отличному от проявляющегося у москвичей, пониманию проблем, связанных с террористической угрозой.

Интересны данные о существовании у жителей некоторых регионов нашей страны, принципиально отличных от московского, психологических портретов террористов. С. П. Политова, используя методику диагностики межличностных отношений Т. Лири, анализировала представления о личности террориста у 235 студентов Казанского государственного университета. Результаты исследования показали, что «портрет личности террориста в социальном представлении о нем выглядит следующим образом: это хороший руководитель, наставник и организатор, уверенный, независимый, любящий соперничество, искренний, непосредственный, настойчивый в достижении целей, неконформный, скептически настроенный, при этом у него практически отсутствуют такие качества, как повышенное чувство вины, зависимость от мнения окружающих, дружелюбие, готовность помогать и сочувствовать окружающим, альтруизм и т. д.» (Политова, 2007, с. 555). По моему мнению, такой портрет не только ничем не напоминает психически неуравновешенного бесчеловечного фанатика, но может характеризовать некоторые вполне социально адаптированные группы российского общества.

Следовательно, различия в понимании одних и тех же событий представителями мусульманской культуры и других российских культурных традиций, в том числе ориентированных на западное мировоззрение, следует искать в неодинаковости способов осмыс-

ления мира, придании разного значения когнитивному осознанию и иррационально-чувственному переживанию. «Одной из важных характеристик классической мусульманской культуры является то, что ее основными структурными элементами выступают не столько науки (как в западноевропейской мысли), сколько ценностно-идеологические течения, которые определяют характер познания, интерпретации и сферу допустимого понимания гносеологической картины мира» (Кирабаев, 2002, с. 318). Когда я говорю, что для понимания корней терроризма необходимы знания о порождающей его социокультурной среде, то, конечно же, имею в виду не только рациональное мышление и когнитивные репрезентации мира. Не менее важную роль в понимании терроризма и террористической угрозы играют принципиально различные типы человеческого бытия, порождающие неодинаковый ментальный и экзистенциальный опыт людей.

Еще одна проблема, значимость которой стала очевидной в результате исследования, заключается в необходимости психологического анализа различий в качественной специфике понимания террористической угрозы, формирующегося под воздействием СМИ и на основе личного экзистенциального опыта. Личностная включенность в события, связанные с терактами, центрация на собственных переживаниях ведут к трансформации пережитого опыта и снижению достоверности воспоминаний о происшедшем. Сообщения СМИ только способствуют этому, направляя наше внимание преимущественно на социально значимые стороны ненормативных критических событий. «Социальное воздействие (способ презентации события СМИ) меняет естественный порядок отражения хода события в памяти. Если в свободной от социального воздействия (перцептивного и когнитивного принуждения) ситуации люди склонны лучше воспроизводить релевантный индивидуальный опыт, под влиянием СМИ наиболее доступными оказываются содержания, которые расцениваются как общезначимые» (Нуркова, Бернштейн, Лофтус, 2003, с. 71). Тем не менее сообщения СМИ, особенно телевизионные программы новостей с травматическим содержанием, не с вымышленными (как в боевиках, триллерах и т. п.), а с реальными событиями могут способствовать повышению ситуативной тревожности, появлению страхов, возникновению подавленного настроения: «Влияние новостей на человека зависит не только от объективных, но и от субъективных факторов. Уровень личностной тревожности, травматические переживания в недавнем прошлом усиливают влияние новостей» (Лаврова, 2009, с. 72).

Последняя проблема, методическая, взаимосвязана с только что описанной. Анализируя понимание террористической угрозы, психологу нужно тщательно изучать специфику внешнего и внутреннего миров и в зависимости от этого выбирать соответствующие им методики. В частности, результаты проведенного исследования показывают, что в контексте изучения обсуждаемой проблемы некоторые методики уже исчерпали свой потенциал. Обоснованно можно ожидать, что вследствие более высокой личностной тревожности индексы ОПТУ у женщин и в будущем окажутся выше, чем у мужчин. Выявленные в исследовании половые различия подтверждаются результатами других психологов (Chu et al., 2006; Grossman, Wood, 1993). Закономерен также факт понимания макиавеллистами терактов как способов решения коммуникативных задач, достижения конкретных целей. Это соответствует мировоззрению макиавеллистов, основанному на представлении о неизбежности манипуляции в общении, в том числе человеческой жизнью. Понимание-принятие макиавеллистами моральной допустимости манипуляции жизнью человека, в том числе собственной, выявлялось уже в нескольких исследованиях (Знаков, 2005; Знаков, 2010) и вряд ли требует дальнейших доказательств.

Используемый арсенал будущих психологических исследований, видимо, должен включать методики, направленные на выявление индивидуальных различий в жизнестойкости людей, по-разному понимающих террористическую угрозу, меру их когнитивной сложности, временные перспективы жизни, содержание ментального и экзистенциального опыта и т. п. Сейчас уже можно наметить также примерные контуры теоретических оснований будущих исследований понимания ненормативных критических событий: их следует искать в теории управления страхом смерти, психологии человеческого бытия, психологии понимания. Опираясь на типологию жизненных миров и кризисных ситуаций, проблему понимания и переживания террористической угрозы можно будет сформулировать в категориях соотношений «легкого» или «трудного внешнего мира» и «простого» или «сложного внутреннего мира» людей, которые оценивают вероятность стать жертвами терактов (Василюк, 1995).

Наконец, проделанная работа показывает, что в современных условиях профессиональный долг психологов заключается не только в научном анализе обсуждаемых проблем, но и участии в профилактике терроризма. Это может проявляться, в частности, в проведении тренингов, направленных на коррекцию понимания ненормативных критических событий человеческого бытия. Целью

коррекции, например, может быть изменение поведенческих реакций в террористических ситуациях. Как следует из результатов нашего исследования, содержание тренингов должно различаться в группах мужчин и женщин, взрослых и молодых людей.

Литература

- Бурлачук Л. Ф., Морозов С. М. Словарь-справочник по психодиагностике. СПб.: Питер, 2004.
- Быховец Ю. В., Тарабрина Н. В. Психологическая оценка переживания террористической угрозы: Руководство. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010.
- Василюк Ф. Е. Жизненный мир и кризис: типологический анализ критических ситуаций // Психологический журнал. 1995. Т. 16. №3. С. 90–101.
- Знаков В. В. Методика исследования макиавеллизма личности. М.: Смысл, 2001.
- Знаков В. В. Понимание экзистенциального выбора: жизнь в страданиях или эвтаназия // Вопросы психологии. 2005. №6. С. 3–12.
- Знаков В. В. Экзистенциальный опыт субъекта как проблема психологии человеческого бытия // Субъектный подход в психологии / Под ред. А. Л. Журавлева и др. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009. С. 211–225.
- Знаков В. В. Понимание мужчинами и женщинами моральной допустимости абортов // Вопросы психологии. 2010. №2. С. 90–100.
- Знаков В. В., Турок Е. М. Понимание и переживание террористической угрозы // Вестник МГУ. Сер. 14. Психология. 2010. №1. С. 58–69.
- Кирабаев Н. С. Homo philosophans: Сборник к 60-летию профессора К. А. Сергеева. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество. Серия «Мыслители». Вып. 12. 2002. С. 316–323.
- Лаврова Е. В. Представления об опасности и их изменения под воздействием новостных передач // Вестник Университета (Государственный университет управления). 2009. №20. С. 72–74.
- Леонтьев Д. А. Тест смысложизненных ориентаций (СЖО). М.: Смысл, 2000.
- Нуркова В. В., Бернштейн Д. М., Лофтус Е. Ф. Эхо взрывов: Сравнительный анализ воспоминаний москвичей о террористических актах 1999 г. (Москва) и 2001 г. (Нью-Йорк) // Психологический журнал. 2003. Т. 24. №1. С. 64–72.

- Падун М. А., Тарабрина Б. В. Когнитивно-личностные аспекты переживания посттравматического стресса // Психологический журнал. 2004. Т. 25. № 5. С. 5–15.
- Перре М, Лайррейтер А.-Р., Бауманн У. Критические, изменяющие жизнь события (макрострессоры) // Клиническая психология / Под ред. М. Перре, У. Бауманна. СПб.: Питер, 2002. С. 362–364.
- Политова С. П. Личность террориста в представлении современной молодежи // Вызовы эпохи в аспекте психологической и психотерапевтической науки и практики. Материалы Третьей всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Казань, Казанский государственный университет, 22–23 ноября 2007 г. / Под ред. С. В. Петрушина. Казань: ЗАО «Новое знание», 2007. С. 553–555.
- Природа этнорелигиозного терроризма / Под ред. Ю. М. Антоняна. М.: Аспект-Пресс, 2008.
- Собкин В. С., Ениколопов С. Б., Кропачев В. М. Студенческая молодежь Дагестана об отношении к терроризму // Толерантность в подростковой и молодежной среде: Труды по социологии образования. Т. IX. Вып. XVI / Под ред. В. С. Собкина. М.: Центр социологии образования РАО, 2004. С. 114–132.
- Тулинова Д. Б. Представления о враге и друге в связи с отношением к жизни на различных ее этапах: Автореф. канд. дис. Ростов-н/Д.: РГУ, 2005.
- Холодная М. А. Психология интеллекта. СПб.: Питер, 2002.
- Chu Th. Q., Seery M. D., Ence W. A., Holman E. A., Silver R. C. Ethnicity and gender in the face of a terrorist attack: A national longitudinal study of immediate responses and outcomes two years after September 11 // Basic and Appl. Soc. Psychol. 2006. V. 28. № 4. P. 291–301.
- Crenshaw M. The psychology of terrorism: An agenda for the 21st century // Polit. Psychol. 2000. V. 21. № 2. P. 405–420.
- Grimland M., Apter A., Kerkhof A. The phenomenon of suicide bombing: A review of psychological and nonpsychological factors // Crisis. 2006. V. 27. № 3. P. 107–118.
- Grossman M, Wood W. Sex differences in intensity of emotional experience: A social role interpretation // J. Pers. and Soc. Psychol. 1993. V. 65. № 5. P. 1010–1022.
- Moghaddam F. M. The staircase to terrorism: A psychological exploration // Amer. Psychologist. 2005. V. 60. № 2. P. 161–169.
- Park J., Felix K., Lee G. Implicit attitudes toward arab-muslims and the moderating effects of social information // Basic and Appl. Soc. Psychol. 2007. V. 29. № 1. P. 615–636.

Социально-демографические и психологические различия в понимании москвичами террористической угрозы

В. В. Знаков

Представлен сравнительный анализ психологических и социально-демографических факторов, от которых зависит понимание и переживание террористической угрозы москвичами, до и после взрывов на станциях метро «Лубянка» и «Парк культуры» 29 марта 2010 г. В эмпирическом исследовании, проведенном на двух группах испытуемых (212 и 222 чел.), показано: 1) сразу после взрывов индексы переживания террористической угрозы повысились; наиболее высокий он у женщин, а наименее высокий – у юношей; 2) юноши и девушки лучше справились с психологическими последствиями терактов, чем мужчины и женщины; 3) опасность стать жертвой теракта сильнее переживают не те, кто узнал о взрывах в метро из СМИ, а либо те, кто сами оказались свидетелями трагедии, либо их родственники и знакомые; 4) до взрывов понимание испытуемыми террористической угрозы было сфокусировано на эмоционально-ир-

рациональных сторонах терактов, их неизбежности и трагических последствиях, после взрывов наблюдалось больше рациональных попыток осмысления современного терроризма, когнитивного понимания, репрезентации и антиципации осознаваемого уровня реальности угрозы.

Ключевые слова: террористическая угроза, понимание, переживание, тревожность, макиавеллизм, способность контролировать ситуацию.

The understanding and emotional experience of terrorist threat by Muscovites

V. V. Znakov

The comparative analysis of psychological and social-demographical factors determining the understanding and emotional experience of terrorist threat by Muscovites before and after terrorist attacks in Moscow underground on 29 March 2010 is presented. Empirical study showed that immediately after the explosions indices of emotional experience of terrorist threat increased; the highest rise was observed in women, the lowest – in young males. Psychological effect of terrorist attack was better overcome by junior persons (both male and female) than by senior ones. The threat of terrorist attack was emotionally experienced more strongly by those who has been an eyewitness themselves (or whose friends were) compared to those who learned about the incident from mass-media. Before the explosions the understanding of terrorist threat was centered on its emotionally-irrationally sides, its inevitability and tragic consequences; after the explosions rational attempts to understand modern terrorism, representation and anticipation of cognitive level of real threat were made.

Keywords: terrorist threat, understanding, emotional experience, anxiety, makiavellianism, the ability to control the situation.